

Очень темное пятно

Миран Божович

Перевод с английского *Артема Смирнова* по изданию:
Miran Bozovic. An Utterly Dark Spot: Gaze and Body in Early Mo-
dern Philosophy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000.
Р. 95–120.

Миран Божович. Люблянский университет (UL), Словения,
miran.bozovic@ff.uni-lj.si.

Связывая работы Иеремии Бентама о паноптиконе с его утилитаризмом, автор показывает, что внутренняя структура паноптикона — это структура спектакля или сценического эффекта: исполняемое в нем наказание должно произвести наибольший эффект на других, то есть на общество в целом, при этом причиняя как можно меньше страданий самим заключенным. Это предполагает «вымысел наказания», видимость, которая успешно работает именно потому, что реальность сама уже структурирована как вымысел. Важно проводить различие между ролью вымысла в паноптиконе (удержание заключенных от проступков) и сдерживающей ролью вымысла для невиновных, которые находятся за пределами тюрьмы. Сосредотачивая внимание на роли надзирателя, находящегося в центральной башне паноптикона, а не на положении заключенных в камерах, автор показывает, что само отсутствие видимого надзирателя поддерживает его (вымышленную) вездесущность для заключенных. Тем самым он занимает место Бога, который существует лишь постольку, поскольку люди (заключенные) воображают Его (надзирателя) смотрящим на нас. Бог (или надзиратель) представляет собой воображаемую несуществующую сущность, поддерживающую целостность мира (паноптикона). В свою очередь, страх перед надзирателем и вера в него основываются на его вымышленном характере или несуществовании.

Ключевые слова: паноптикон; Иеремия Бентам; теория фикций; утилитаризм; автоикона.

Несмотря на то что Иеремию Бентама интересовали главным образом моральная и политическая философия, а также законодательство, именно его паноптикон и теория фикций оказали наиболее сильное влияние на современную мысль. Вниманию широкой публики паноптикон был представлен в 1975 году в знаменитой книге Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» и блестящей статье Жака-Алена Миллера «Деспотизм полезного: паноптическая машина Иеремии Бентама», а теория фикций была «заново открыта» в 1932 году Чарлзом Кеем Огденом в книге под названием «Теория фикций Бентама». Именно паноптикон и теория фикций служат подтверждением того, что Бентам был не только «великим реформатором в философии»¹, но и — вопреки мнению Джона Стюарта Милля — «великим философом».

Сочинения о паноптиконе состоят из ряда «Писем», написанных в 1787 году из России для «друга в Англии», и «Приложений» от 1790 и 1791 годов (хотя они и были напечатаны в 1791 году, в книжные лавки эти сочинения о паноптиконе тогда не попали). Паноптикон — это не более чем «простая архитектурная идея», так и не претворенная в жизнь, описавшая «новый способ приобретения власти разума над разумом в невиданном до сих пор объеме». Властью этой обладает «надзиратель» с его невидимой вездесущностью, «очень темное пятно» в совершенно прозрачной, наполненной светом вселенной паноптикона. План паноптикона, изложенный в «Письмах», был окончательно разработан в обоих «Приложениях», причем первоначальный план полностью прозрачного паноптического надзорного дома (*inspection-house*) стал в известной степени непрозрачным, а сама идея — неосуществимой.

За исключением «Фрагмента об онтологии», работы Бентама о фикциях, написанные преимущественно в 1810-х годах, фрагментарны и представлены главным образом в форме отступлений от текстов на другие темы (или примечаний и дополнений к ним). Большая часть этих работ впервые была опубликована посмертно в восьмом томе собрания сочинений под редакцией Джона Боуринга, который носил общее название «Онтология, логика, язык». Некоторые сочи-

1. Mill J.S. Bentham // Mill J.S., Bentham J. *Utilitarianism and Other Essays* / A. Ryan (ed.). Harmondsworth: Penguin, 1987. P. 138.

нения противоречат друг другу и даже самим себе. Во всех текстах Бентам развивает мысль с самого начала и всегда под несколько иным углом, как если бы о фикциях нельзя было сказать ничего определенного. Быть может, именно из-за того, что для Бентама реальность не представляет никакой проблемы, а ее существование не вызывает никаких вопросов, в пространстве нереального, несуществующего (то есть в пространстве фикций) все становится крайне запутанным.

Разрабатывая свою онтологию фикций, Бентам был озабочен не столько проведением различий между фикциями и реальностью или между самими фикциями, сколько исследованием того воздействия, которое фикции оказывают на реальность. Хотя ни один из двух классов фикций или нереальных сущностей — вымышленных сущностей и воображаемых несуществующих сущностей (*non-entities*) — не существует, оба они тем не менее оказывают влияние на действительность: первые — *несмотря на* то, что они не существуют, а последние — именно *из-за* того, что они не существуют. Основная мысль «Фрагмента об онтологии» заключается в том, что вымышленные сущности придают реальности ее логическо-дискурсивную согласованность. А основная мысль сочинений о паноптиконе состоит в том, что существование определенной реальности — паноптической тюрьмы — основывается на чем-то совершенно нереальном, то есть на воображаемой несуществующей сущности. Именно благодаря своей нереальности несуществующие сущности делают возможным существование реальности — если бы они существовали, произошло бы разрушение самой реальности.

Зрелище наказания

Поскольку Бентама сегодня помнят как основателя утилитаризма, возможно, лучше начать с рассмотрения того, как проблематика фикций соотносится с моральной проблематикой преступления и наказания за него.

В отрывке из «Введения в основания нравственности и законодательства», который сильно напоминает «Теодицею» Лейбница, Бентам пишет:

Но всякое наказание есть вред; всякое наказание есть само по себе зло. По принципу полезности,

если только должно быть допущено наказание, оно должно быть допускаемо только в той степени, насколько оно обещает устранить какое-нибудь большее зло².

Здесь явно прослеживается влияние лейбницевской теории зла. По Лейбницу, Бог делает возможным *le mal moral* — моральное зло — только потому, что он знает: в какой-то момент в будущем оно станет причиной несравнимо большего добра — добра, которое, не будь этого зла, никогда бы не осуществилось. Так, например, Бог сделал возможным преступление Секста, потому что он знал, что это преступление послужит «великим событиям»: именно это преступление привело к созданию великого царства, которое явило человечеству «примеры благородства»³. Если бы этого преступления не существовало, самого величайшего блага — великого царства, примеров благородства — также бы не совершилось; и когда «в этом мире не будет совершаться хотя бы малейшего зла, то мир не будет уже больше этим миром»⁴. В таком случае Бог позволяет разумным тварям совершать преступления постольку, поскольку эти преступления помогают добру в мире сем намного превзойти зло, — то есть Бог позволяет этим преступлениям совершиться именно потому, что *из-за* них тварный мир является лучшим из миров. Мир, который был бы просто хорошим, был бы, конечно, лучше лучшего из миров, но такой мир по сути своей невозможен.

Та же самая аргументация Лейбница, использовавшаяся для оправдания существования одной из трех разновидностей зла, то есть преступления, используется Бентамом для оправдания наказания за преступление. Чего именно мы добиваемся наказанием? При помощи наказания, которое само по себе является злом — наказание частично лишает наказываемого индивида счастья, вследствие чего сокращается совокупное счастье общества, — другие, «подвергающиеся искушению совершить преступление»⁵, удерживаются от совершения деяний, подобных тем, что были совершены преступниками, то есть деяний, которые привели бы к еще большему сокращению суммарного счастья общества. И именно

2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. С. 221.

3. Leibniz G. W. Theodicy. La Salle, IL: Open Court, 1988. P. 373; цит. по: Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 401.

4. Ibid. P. 128–129; Там же. С. 136.

5. Bentham J. Op. cit. P. 171 n.; Бентам И. Указ. соч. С. 222 прим.

предупреждением этого большого зла мы косвенно способствуем наибольшему счастью наибольшего числа людей. Когда, обращаясь к наказанию, мы приносим в жертву частицу счастья наказанного индивида, мы тем самым способствуем наибольшему благу всех остальных, наибольшему счастью наибольшего числа людей. Таким образом, по Лейбницу, как и по Бентаму, мы способствуем наибольшему «*благу второго порядка*», рискуя меньшим «*злом первого порядка*»; однако если и по Лейбницу, и по Бентаму преступление является злом, то, по Бентаму, злом является еще и *наказание* за преступление.

С точки зрения Бентама, само наказание предназначено не столько для наказываемого, то есть виновного человека, сколько для кого-либо другого, то есть невиновного: когда Бентам взвешивает ценность исправления и ценность примера как двух основных целей наказания, он определенно выбирает последний: пример важнее исправления — дело «в соотношении числа невиновных с признанными виновными»⁶. Более того, из всех целей наказания пример является, «вне всякого сравнения, наиболее важным»⁷. Исправление нацелено на относительно небольшое число людей, то есть на тех, кто уже совершил преступление, тогда как пример нацелен на всех «подвергающихся искушению совершить преступление», а число последних, согласно Бентаму, — это попросту «общее число людей, составляющих отдельные политические сообщества, — иными словами, все человечество»⁸.

С точки зрения Бентама, наказание — это в первую очередь зрелище: именно постольку, поскольку оно нацелено не на наказываемого индивида, а на всех остальных, исполнение наказания есть зрелище. Зрелищная сторона наказания, следовательно, проистекает из самой сдерживающей теории наказания.

На ум человека, собственно, действует только идея наказания (или, другими словами, кажущееся, видимое наказание), а самое наказание (*реальное* наказание) действует только тем, что порождает эту идею. Поэтому всю услугу совершает кажущее-

6. *Bentham J. Panopticon: Postscript; Part I//The Works of Jeremy Bentham/ J. Bowring (ed.). Vol. 4. Edinburgh, 1843. P. 79.*

7. *Idem. Panopticon Versus New South Wales//The Works of Jeremy Bentham. Vol. 4. P. 174.*

8. *Ibidem.*

ся наказание: я разумею — в смысле примера, который есть главная цель. Весь вред приносит реальное наказание⁹.

Начнем с того, чем именно является наказание? Страданием, переживанием боли или утратой удовольствия. Поэтому у Бентама парадокс наказания, которое предназначено скорее всем остальным, нежели наказываемому индивиду, очевиден: в наказании именно наказываемый индивид (то есть тот, кому это наказание не предназначено) является тем, кто страдает от боли, тогда как наказание действует на всех остальных (тех, кому оно специально предназначено) только своей внешней видимостью. Это означает, что *видимость* (видимое наказание, видимое страдание) перевешивает *реальность* (реальное наказание, реальное страдание) всякий раз, когда число невиновных больше одного. Следовательно, основная цель наказания — сдерживание невиновных — достигается при помощи самой видимости, то есть путем пробуждения идеи наказания в умах невиновных. Итак, ключевым вопросом становится то, каким образом должна быть создана эта видимость?

В чем именно заключается зрелищная сторона наказания? Что именно инсценируется наказанием? Здесь главная забота Бентама состоит в достижении наибольшего видимого страдания при наименьшем реальном страдании, то есть в достижении наибольшего воздействия страдания на других при наименьшем причинении боли.

Поскольку только на других, на их умы воздействует видимое наказание, необязательно для усиления воздействия наказания на других дополнять реальное наказание каким-то «прибавочным реальным наказанием» — того же воздействия на других можно достичь «другими, менее дорогими средствами», а именно — при помощи «церемоний, отдельных от самого наказания и сопровождающих его исполнение»¹⁰.

Рассмотрим вкратце характерные черты наказания в качестве зрелища: черты, явно предназначенные скорее невиновному, нежели наказываемому, черты, составляющие сценическое воздействие наказания.

Те, кто позднее примет активное участие в зрелище, для начала сами должны быть подвергнуты зрелищу; поэтому

9. Бентам И. Указ. соч. С. 248.

10. Там же.

поступление заключенных в паноптическую тюрьму напоминает, как заметила Дженет Семпл, «скорее инициатическую церемонию, нежели купание»¹¹:

При поступлении... полное очищение в теплой ванне — полный осмотр хирурга... Новая одежда с головы до пят... Омовение — перерождение — торжественность — церемония — форма богослужения: событие должно производить глубокое впечатление. Серьезная музыка... по меньшей мере пение псалмов с органом¹².

Заключенные в паноптиконе должны были бы носить маски, выражения которых отражали бы тяжесть их преступлений, и таким образом как бы инсценировать то, в чем они виновны. Они надевали бы эти маски в «единственном случае, когда они должны предстать перед взором общества»¹³, то есть во время богослужения, которое посещали верующие со стороны. Поскольку в этом случае заключенные знали бы, что они подвержены пристальному взгляду общества, этот «бесконечный позорный столб» мог бы заранее закалить их и сделать нечувствительными, мешая в конечном счете их исправлению. Во всех остальных случаях заключенные не знали бы о том, ведется ли за ними наблюдение, так как пристальный взгляд общества был бы сокрыт от них: редким посетителям давалась бы возможность рассматривать паноптикон из центральной башни надзирателя, что позволяло бы им наблюдать за заключенными, оставаясь при этом невидимыми. В таком случае при помощи масок вина может «пригвождаться к позорному столбу в самом общем виде», не раскрывая лица виновного: в то же самое время этот «маскарад», который тем не менее «серьезен, волнуя и поучителен», усиливает благотворное воздействие на зрителей¹⁴. Именно для пристального взгляда невиновных — то есть для пристального взгляда тех, кого нужно удержать от преступлений, — в паноптиконе инсценируется вина заключенных.

В постановке зрелища наказания, которое должно быть настолько ужасным, насколько это возможно, можно даже

11. *Semple J.* Bentham's Prison: A Study of the Panopticon Penitentiary. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 122.

12. *Bentham J.* Panopticon: Postscript; Part II//The Works of Jeremy Bentham. Vol. 4. P. 158.

13. *Idem.* Panopticon: Postscript; Part I. P. 79 n.

14. *Ibidem.*

заимствовать опыт инквизиции. Действительно, система наказания инквизиции была несправедливой и варварской, но продемонстрированное инквизиторами умение производить наибольший сценический эффект — использование впечатляющих процессий, символической одежды, внушающих ужас декораций и т. д., — с точки зрения Бентама, «заслуживает скорее восхищения и подражания, чем осуждения»¹⁵.

В исполнении наказания, которое главным образом служит примером для невиновных, мы должны ловить каждую возможность, чтобы пленить их пристальный взгляд: «Не теряйте возможности обратиться ко взору»¹⁶, — пишет Бентам. Таким образом, по Бентаму, главный член каждого правильно составленного комитета по пенитенциарному праву — это не кто иной, как «управляющий театром»¹⁷, которому, конечно, известно, как достичь наибольшего эффекта от инсценировки наказания.

Зрелище позволяет нам увеличить размеры видимого страдания без увеличения размеров связанного с ним реального страдания. Таким образом, чтобы достичь наибольшего воздействия наказания на остальных, не обязательно причинять дополнительную, чрезмерную боль наказываемому индивиду.

Всякий раз, когда равного воздействия наказания на остальных можно достичь более экономичными средствами, любое *дополнительное* реальное наказание — это чистая потеря, говорит Бентам. А само *реальное* наказание, *реальное* страдание — разве оно не является также совершенно излишним?

Строго говоря, наказываемый индивид не заслуживает наказания, то есть боли; утверждать, что он заслуживает боли, не менее абсурдно, чем утверждать, что он заслуживал бы боли от вмешательства скальпеля хирурга, если бы он был болен: «Никто *не заслуживает* наказания», — говорит Бентам. «Когда хирург режет конечность, то потому ли, что пациент *заслужил* боль? Нет, он делает это потому, что конечность можно излечить»¹⁸. Более того, одинаково абсурдно было бы ожидать, что само преступление можно компенсировать наказанием, то есть что реальное страдание наказыв-

15. Ibidem.

16. Ibid. P. 80 n.

17. Ibidem.

18. Bentham J. Plan for Parliamentary Reform//The Works of Jeremy Bentham. Vol. 3. Edinburgh, 1843. P. 533; цит. по: Harrison R. Bentham. L.: Routledge; Kegan Paul, 1985. P. 234 (выделено автором. — М. Б.).

ваемого преступника способно принести достаточное удовлетворение жертве преступления. При виде преступника, испытывающего боль, — независимо от того, насколько она ужасна, — жертва обречена остаться разочарованной и неудовлетворенной: согласно Бентаму, через наказание, то есть через боль, испытываемую наказанным преступником, невозможно вызвать у пострадавшей стороны удовольствие, равное боли, которую она испытала как жертва преступления¹⁹.

Тогда может показаться, что при помощи *реальности* невозможно добиться чего-то такого, чего нельзя было бы добиться также при помощи *видимости*.

Если основной цели наказания, сдерживания остальных, можно добиться при помощи видимости («всю услугу совершает кажущееся наказание») и если реальность — это нечто излишнее и даже мешающее («весь вред приносит реальное наказание»), в таком случае нельзя ли достичь того же воздействия при помощи *притворного* наказания, при помощи фикции? Таким образом можно было бы способствовать суммарному счастью общества даже без незначительных издержек, без необходимости жертвовать счастьем наказываемого индивида.

Например, можно было бы построить здание, снаружи похожее на паноптикон, изнутри которого можно было бы слышать случайные крики, но не заключенных, а специально нанятых для этой цели людей. И хотя остальные думали бы, что преступников наказывают за их деяния, на самом деле никто вообще не подвергался бы наказанию. Тогда для создания «блага второго порядка» не требовалось бы никакого «зла первого порядка».

Так как достижение утилитаристом цели при помощи обманчивой видимости или иллюзии — или, точнее, при помощи видимости, которая сама не является эффектом реальности, словом, при помощи *фикции* — в действительности приводит к обратным результатам, как выразился Росс Гаррисон, «наилучшим — самым легким, самым надежным, самым дешевым способом достижения *видимости* наказания — является наличие *реальной вещи*»²⁰, то есть реального паноптикона. Смысл возвращения теории Бентама, выступающей против неоправданного использования фикций, за-

19. Бентам И. Указ. соч. С. 222 прим.

20. Harrison R. Op. cit. P. 235, 219 (выделено мной. — М. Б.).

ключается в том, что оно приучает пренебрегать истиной; фикции приемлемы только тогда, когда они необходимы.

Однако даже если бы мы построили реальный паноптикон, даже если бы мы таким образом создали видимость при помощи реальности, мы по-прежнему не смогли бы избежать опоры на фикцию. Именно поэтому паноптикон, *сама реальность, уже структурирован как фикция*. В реальном паноптиконе для достижения его внешней цели — сдерживания невиновных от преступления (а эта цель настолько же перевешивает задачу исправления заключенных, насколько число невиновных превышает число заключенных) сначала, разумеется, необходимо достигнуть его внутренней цели: нужно удержать самих заключенных от неповиновения. Но не что иное, как фикция, удерживает заключенных от неповиновения, служит опорой внутренней структуры паноптикона и придает реальной вещи ее внутреннюю устойчивость.

Хотя паноптикон удерживает невиновных от совершения преступлений, создавая видимость при помощи реальности, для того чтобы эта реальность могла вообще создавать видимость, она должна основываться на еще одной видимости, которая является не эффектом реальности, а самой фикцией. Если бы мы убрали эту фикцию из реальности, мы лишились бы самой реальности.

Visus iconae

Рассмотрим теперь, в какой степени паноптикон как пенитенциарное учреждение является по своей внутренней структуре сценическим эффектом, фикцией.

Согласно Бентаму, в паноптической тюрьме «*видимая вездесущность надзирателя*» сочетается с «*исключительной легкостью его реального присутствия*»²¹. Именно видимая вездесущность надзирателя поддерживает безупречную дисциплину в паноптиконе, удерживая заключенных от неповиновения.

Оппозиции — реальное присутствие/видимая вездесущность, реальное наказание/видимое наказание и реальное страдание/видимое страдание — требуют сопоставления. Согласно Бентаму, и невиновные, и заключенные удерживаются от преступлений при помощи видимости: первые — *ви-*

21. Bentham J. Panopticon: Letters//The Works of Jeremy Bentham. Vol. 4. P. 45 (выделено автором. — М. Б.).

димым наказанием, а последние — *видимой* вездесущностью надзирателя. Однако в каждом из этих случаев отношение между видимостью и реальностью отличается.

Мы уже знаем, что, по Бентаму, видимость связана с реальностью в наказании: при наказании видимость вызывает-ся в умах невинных реальной вещью, реальным наказанием. Видимость максимизируется, поскольку реальная вещь была сначала минимизирована; реальное наказание, реальное страдание было минимизировано потому, что оно само по себе является злом, а не потому, что оно мешает созданию видимости или не может породить в умах невинных идею наказания. Реальное наказание или страдание в полной мере способно вызывать как *свою собственную видимость* — видимое наказание или страдание.

Однако в другой паре противоположностей — реальное присутствие/видимая вездесущность — отношение между видимостью и реальностью в корне отлично. Посмотрим, что говорит Бентам. В тот момент, когда надзиратель оказывается увиденным где-либо в паноптиконе, он утрачивает свою вездесущность в глазах тех, кто видит его: те, кто видит его, конечно же, могут понять, смотрит ли он на них; таким образом, те, кто видит его, могут видеть, что за ними не следят. В этом случае видимая вездесущность надзирателя сохраняется лишь в глазах тех, кто его не видит: поскольку в паноптиконе они не видят его нигде, они не могут быть полностью уверены в том, что за ними не следят; соответственно, они полагают, что он находится в таком месте, откуда он действительно может следить за ними, оставаясь при этом невидимым²².

Тогда соотношение между видимой вездесущностью надзирателя и его реальным присутствием таково: чем меньше реальное присутствие надзирателя, тем больше его вездесущность; точнее, надзиратель обладает видимой вездесущностью лишь постольку, поскольку он не присутствует на самом деле, так как ему достаточно на мгновение предстать перед глазами заключенных, чтобы утратить свою видимую вездесущность. Так что видимость здесь *исключает* реальность.

Итак, паноптикон — это не обычная тюрьма, в которой надсмотрщик как можно чаще показывается перед глазами заключенных именно потому, что он знает, что их дисциплина зависит от его реального присутствия. Обычные тюрь-

22. *Idem*. Panopticon: Postscript; Part I. P. 83, 89.

мы, как правило, рисуют следующий образ: когда начальника поблизости нет, заключенные, как и следовало ожидать, бездельничают, но в тот момент, когда он попадает в поле зрения, перед его пристальным взглядом они инсценируют работу, порядок и дисциплину. Но для бентамовской паноптической тюрьмы верно обратное: заключенные послушно работают до тех пор, пока надзирателя не видно; в его присутствии они как бы разыгрывают недисциплинированность, безделье и беспорядок. Таким образом, в паноптиконе надзиратель предстает перед глазами заключенных как можно реже: вся его власть над заключенными проистекает из его невидимости или, точнее, его «невидимой вездесущности»²³.

Следовательно, в отличие от реального наказания, которое порождает идею наказания в умах невинных, реальное присутствие надзирателя не в состоянии породить идею его вездесущности в умах заключенных. Хотя реальное наказание вполне способно породить — как видимость самого себя — идею наказания, единственной реальной вещью или реальностью, вполне способной породить идею вездесущности как видимости самой себя, является Бог.

Собственный пример Бентама показывает, насколько сильна была его вера в то, что единственной удовлетворительной видимостью является видимость, порождаемая реальной вещью или самой реальностью в качестве видимости самой себя. Иными словами, он полагал, что лишь сама вещь является своей наиболее адекватной видимостью, своим наиболее адекватным образом. Когда незадолго до смерти он размышлял над тем, что он может оставить своим ученикам в память о себе, понятно, что он выбрал не портрет, бюст или посмертную маску; пожалуй, он вынужден был прийти к выводу, что ничто не может больше соответствовать образу Иеремии Бентама, чем сам Иеремия Бентам. «Какое изображение, какая картина, какая статуя человека может быть настолько похожа на него, как фигура Автоиконы; тогда он будет самым же собой. Разве подлинник не предпочтительнее копии?»²⁴ Наиболее адекватно конкретную вещь может олицетворять лишь она сама: поэтому всякая вещь должна быть *своей собственной иконой*, то есть *автоиконой*. Так, в своем за-

23. *Idem*. The Works of Jeremy Bentham/J. Bowring (ed.). Vol. 11. Edinburgh, 1843. P. 96; цит. по: *Dinwiddy J. Bentham*. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 92.

24. *Bentham J. Auto-Icon; or, Farther Uses of the Dead to the Living. A Fragment. From the Mss. of Jeremy Bentham*. London, 1832 (not published). P. 3.

вещании он требовал, чтобы его тело препарировали²⁵; чтобы его ученики собрались на вскрытии его тела выслушать надгробную речь анатома, производящего вскрытие, о пользе вскрытия трупов; чтобы после этого они сохранили его тело, нарядили его в одежду, вложили в руку трость, а на голову надели соломенную шляпу и усадили на тот стул, на котором он обычно сидел. Последняя воля Бентама действительно была исполнена. Таким Бентама можно увидеть и сегодня: он сидит в деревянном ящике в Университетском колледже Лондона, *олицетворяя себя самого*. Самое забавное, что при сохранении тела сберечь не удалось именно голову — именно то, по чему можно было бы определить, удовлетворительно ли труп Бентама отображает самого Бентама, действительно ли тело Бентама есть автоикона: сохраненная голова заметно отличалась от головы живого Бентама. Итак, поскольку Бентам больше не был похож на самого себя и не был больше своей собственной иконой, его голова была заменена восковой копией. Ирония здесь не только в том, что именно Бентам на своем примере доказал, что вещь во все не обязательно является собственным наиболее адекватным образом, но и в том, что, размышляя о том, как сохранить свою голову после смерти, Бентам пришел мысли о том, чтобы поупражняться в новозеландском «искусстве Автоиконы»: он планировал получить у анатома человеческую голову и высушить ее на плите у себя дома²⁶. Неясно, был ли эксперимент проведен на самом деле, но в своей «Автоиконе» Бентам довольно загадочно намекает на опыты по «постепенному извлечению влаги из человеческой головы», которые проводились «в нашей стране» и «которые предвещают полный успех»²⁷.

В глазах заключенных надзиратель наделен и другими божественными атрибутами: будучи вездесущим, он также всевидящ, всеведущ и всемогущ. Однако нет такой реальности, которая могла бы породить в качестве своей собственной видимости соответствующие идеи в умах заключенных. И именно по этой причине роль фикции в удержании заключенных от неповиновения, то есть роль фикции в паноптиконе, в корне отлична от роли фикции в удержании невиновных от преступлений *через* паноптикон как пример.

25. Яркое описание вскрытия см.: Harrison R. Op. cit. P. 1-23.

26. См.: Marmoy C. F. A. The "Auto-Icon" of Jeremy Bentham at University College, London // Medical History. 1958. Vol. 2. № 2. P. 78.

27. Bentham J. Auto-Icon. P. 2.

В паноптиконе пристальному взгляду заключенных предстает реальность как таковая, то есть Бог. В то время как невинные удерживаются от преступлений реальным наказанием, реальным страданием наказываемого, заключенные паноптикона удерживаются от неповиновения *фикцией Бога*. Следовательно, именно фикция Бога служит опорой универсума паноптикона. Это удержание заключенных паноптикона от неповиновения, бесспорно, представляет собой пример утилитаристской цели, к которой движется и сам Бентам — через обманчивую видимость или иллюзию, через видимость, которая сама не является эффектом реальности, — словом, через фикцию. И в этом заключается максимальный сценический эффект бентамовского паноптикона: он порождает фикцию Бога со всеми его атрибутами.

Бентам порождает фикцию Бога в паноптиконе при помощи пристального взгляда и голоса. Какого рода пристальный взгляд и какого рода голос действуют в нем? В паноптиконе за нами наблюдают так, что мы не видим того, кто за нами наблюдает; мы слышим голос, но не видим говорящего. Паноптикон управляется пристальным взглядом и голосом, которые десубъективированы, отделены от их носителя, — словом, пристальным взглядом и голосом как объектами.

Так совершается первый шаг в конструировании Бога. Пристальный взгляд и голос, конкретного носителя которых установить невозможно, наделяются необычайными способностями и как бы сами собой составляют божественные атрибуты.

В паноптиконе пристальный взгляд и голос создаются при помощи двух средств, столь ошеломляюще простых, что можно даже сказать, что создаваемый ими Бог, Бог паноптикона, представляет собой не что иное, как неизбежный побочный продукт осуществления этой «простой архитектурной идеи»²⁸.

Быть может, не существует другого такого творения рук человеческих, такой иконы, — которая приблизила бы нас к Богу, при помощи которой Бог смог бы обнаружить себя во всем своем величии, — как бентамовский паноптикон, хотя Бог паноптикона все же всегда остается *Deus absconditus*, Богом, ревностно скрывающим свой лик.

Рассмотрим сначала голос в паноптиконе. Именно в силу исключительного статуса своего голоса надзиратель

28. *Idem*. Panopticon: Preface//The Works of Jeremy Bentham. Vol. 4. P. 39.

наделяется божественными атрибутами: паноптикон управляется при помощи голоса, который — как голос в кинофильмах (наиболее частый случай — голос в телефонной трубке), не являющийся элементом диегетической реальности, а потому не принадлежащий никому в универсуме кинофильма, — невозможно соотнести ни с одним конкретным человеком в универсуме паноптикона. Этот бестелесный голос являет собой идеальный пример того, что Мишель Шион называет *la voix acousmatique*. Согласно Шиону, голосу, источник которого невидим, автоматически приписываются необычайные способности: в наших глазах такой голос, как правило, наделяется божественными атрибутами, как если бы каждое его слово было словом, исходящим от самого Бога. Этот бестелесный, нелокализуемый голос функционирует в качестве бесформенной угрозы, мерцающей на заднем плане. Более того, в наших глазах носитель этого незримого голоса сам все видит. Таким образом, голос обладает божественными атрибутами — он вездесущ и всевидящ — лишь до тех пор, пока он остается незримым; в тот момент, когда голос обретает свою плоть, он лишается этих атрибутов. Носитель этого голоса, который в наших глазах приобрел необычайные способности, зачастую оказывается не более чем беспомощным и ранимым существом, точно таким же, как и мы сами²⁹.

Бесплотный *voix acousmatique* работает в паноптиконе с помощью устройства, которое, подобно телефону, позволяет нам слышать голос, не раскрывая образ говорящего. Надзиратель общается с заключенными в их камерах посредством «разговорных трубок», при помощи которых его голос из надзирательской доносится до каждой отдельной камеры³⁰. Таким образом, надзиратель может отдавать команды, приказы, предупреждения и т. д. заключенным, не покидая своего поста. Он может говорить с ними, не представая перед их глазами; заключенные могут слышать его, но не могут его видеть. Он может разговаривать с любым из заключенных индивидуально, и остальные не будут знать об этом. Поскольку никто, за исключением того, к кому надзиратель обращается, не может знать, к кому он обращается в данный конкретный момент, очевидно, что никто не может знать наверняка, что сам он в данный момент не находится под наблюдением. Хотя все внимание надзирателя прикова-

29. Chion M. La voix au cinema. P.: Cahiers du cinema, 1982. P. 25–33.

30. Bentham J. Panopticon: Letters. P. 41.

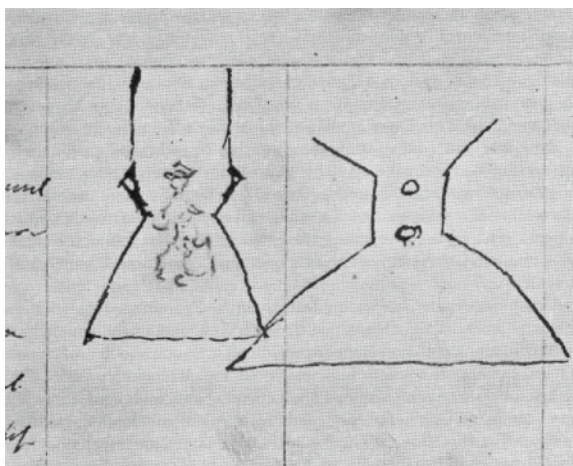

РИСУНОК 1. Набросок центрального «фонаря надзирателя», сделанный Бентамом (Bentham Collection, University College London)

но к одному заключенному — тому, с которым он разговаривает, — никто из остальных не может быть уверен в том, что глаза надзирателя в данный момент не направлены на него.

Теперь обратимся к роли пристального взгляда в паноптиконе. В паноптиконе пристальный взгляд порождается «фонарем надзирателя», устройством, которое вводится в «Приложении; Части I» в качестве решения дилеммы относительно надзирательской, с которой Бентам столкнулся в «Письмах». Поскольку в паноптиконе тюремщик также является бухгалтером, Бентам оказывается перед дилеммой, которую можно было бы назвать «Дилеммой тюремщика»: если, с одной стороны, в надзирательской было бы достаточно света, чтобы вести бухгалтерию, то он не смог бы эффективно вести скрытое наблюдение, так как тогда его можно было бы видеть из камер; если, с другой стороны, света было бы достаточно для того, чтобы его не было видно из камер, он, естественно, смог бы вести наблюдение, но тогда он не смог бы вести бухгалтерию³¹. Фонарь, с помощью которого можно было бы решить эту дилемму, имеет форму двух воронок с короткими горлышками, соединенных друг с другом этими горлышками; в определенных местах проделаны отверстия, а в них вставлены цветные или закопченные стеклышки, через которые смотрит надзиратель; фонарь велик ровно настолько, чтобы надзиратель мог видеть все

31. *Idem*. Panopticon: Postscript; Part I.P. 80.

вокруг, не сдвигаясь с места, — достаточно повернуть голову или тело. Благодаря этим многочисленным отверстиям фонарь пропускает через себя свет не полностью, просвечивая ровно настолько, чтобы тело надзирателя было едва различимо — из камер он выглядит как силуэт, тень или непроницаемое темное пятно.

Теперь, конечно, возникает сложность: если надзиратель вездесущ только постольку, поскольку он невидим, и если он всевидящ только постольку, поскольку его самого не видно, — не ослабит ли его предполагаемую вездесущность и не ограничит ли его пристальный взгляд эта его частичная видимость? Нисколько, утверждает Бентам. Такая частичная видимость надзирателя в просвечивающем фонаре не лучше позволяет заключенному определить, направлен ли на него взор надзирателя в данный момент, чем тогда, когда надзиратель совершенно невидим. В этом случае частичная видимость надзирателя равнозначна невидимости; на его вездесущность она никак не влияет, его пристальный взгляд по-прежнему остается всевидящим, так как заключенный не может знать, что за ним не следят. Все, что может видеть заключенный внутри фонаря, — это непроницаемое темное пятно, которое всегда пристально наблюдает за ним.

Итак, «Дилемма тюремщика» решена: света, поступающего через стекла фонаря, достаточно для того, чтобы надзиратель мог вести бухгалтерию, и все же он — несмотря на свою частичную видимость — не становится менее невидимым, чем тогда, когда он подсматривал за заключенными, сокрытый в глубине совершенно темной надзирательской. Ни в том, ни в другом случае заключенные не могут с уверенностью определить, что в данный момент за ними не ведется наблюдение; единственное различие заключается в том, что они будут считать, что надзиратель наблюдает за ними из фонаря, даже когда он на самом деле полностью поглощен ведением бухгалтерии.

В конструировании Бога посредством иллюзии всевидящего взгляда у Бентама были свои предшественники: Николай Кузанский уже выдвигал подобные идеи в своем трактате 1453 года *De visione Dei sive de icona*. Николай Кузанский послал монахам в Тегернзее изображение, нарисованное столь искусно, что у наблюдателя, откуда бы он ни смотрел на него, создавалось впечатление, что фигура на картине пристально смотрит на него. Чтобы показать необычные свойства картины, он предложил следующий эксперимент. Картину вешают на стену, и около нее полукругом собираются монахи.

Каждый монах будет уверен, что фигура на изображении наблюдает только за ним, а не за кем-то другим. Чтобы убедить монахов в том, что фигура на картине пристально следит за всеми ними одновременно, что, несмотря на свою неподвижность, она также может следить за ними своим пристальным взглядом и что, следовательно, ее пристальный взгляд всевидящ, один монах должен пройти по дуге, не отрывая глаз от картины, в одном направлении, тогда как другой монах сделает то же самое в обратном направлении. Так как они — каждый в отдельности и оба вместе — будут чувствовать, что нарисованный взгляд все время следит за ними, *visus iconae*, пристальный взгляд картины, следовательно, должен быть всевидящим. Николай Кузанский предложил этот эксперимент в качестве первого шага на пути к мистическому богословию, в качестве понимания, переносящего нас по ту сторону видимого, в божественную темноту: короче говоря, в качестве первого шага на пути, ведущем к пониманию того, что я существую, потому что Бог смотрит на меня, а в тот момент, когда Бог отведет от меня свой пристальный взгляд, я перестану существовать³².

Хотя Бентам, вероятно, согласился бы с Николаем Кузанским в том, что Бог, «это невидимое и непостижимое существо», может обнаружить себя только как всевидящий пристальный взгляд, он, скорее всего, возразил бы относительно идеи, что всякая картина, создающая иллюзию всевидящего пристального взгляда, может считаться иконой Бога: согласно Бентаму, никакая картина, никакая икона, кроме самого Бога, не может считаться иконой Бога³³.

Тот же самый эффект, который Николай Кузанский описал как «икону Бога», описывается Бентамом как пятно в поле зрения, «на картине», пятно, пристально следящее за нами. Бентамовская версия иконы трехмерна, а братия замыкает вокруг нее полный круг; однако в паноптиконе, в отличие от монахов Кузанца, движение невозможно, так как представители братии прикованы к одному месту. Это означает, что невозможно установить, является ли пристальный взор из фонаря всевидящим, теми же самыми средствами, при помощи которых можно было определить, что пристальный

32. *Nicholas of Cusa. The Vision of God*//The Portable Medieval Reader/B. Ross, M. M. McLaughlin (eds). Harmondsworth: Penguin Classics, 1978. P. 682–686; *Николай Кузанский. О видении бога*//Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1980. С. 33–94.

33. *Bentham J. A Fragment on Ontology*//The Works of Jeremy Bentham. Vol. 8. P. 196.

взгляд на картине всевидящ. Чтобы установить, заслуживает ли фонарь Бентама звания «иконы Бога» — то есть находится ли в пятне Бог, — потребуется куда более тонкая уловка.

«Любой непрозрачный предмет»

Как в таком случае, согласно Бентаму, можно определить, является ли взгляд пятна всевидящим? Иными словами, каким образом мы создаем в умах заключенных представление о невидимой вездесущности надзирателя и идею постоянного надзора? Как взгляд надзирателя стал всевидящим в глазах заключенных? Каким образом мы возносим надзирателя в глазах заключенных на высоту Господа? Короче говоря, каким образом мы, согласно Бентаму, конструируем Бога?

В идеале каждый заключенный паноптической тюрьмы должен находиться перед взором надзирателя «во всякий момент времени»; поскольку в действительности это невозможно, «следующее, к чему нужно ежеминутно стремиться, заключается в том, чтобы, принимая во внимание основания так считать и не имея возможности убедиться в обратном, он *ощущал* это сам»³⁴, — пишет Бентам. Таким образом, в паноптиконе создается иллюзия постоянного наблюдения: на самом деле заключенные не находятся под постоянным надзором, они просто думают или воображают, что это так.

Заключенный, который не видит надзирателя — поскольку, в сущности, они никогда не встречаются глазами, — конечно же, не может видеть того, что за ним не наблюдают. Однако он может попытаться выяснить, всегда ли скрытый, невидимый глаз надзирателя направлен прямо на него, то есть действительно ли взгляд надзирателя всевидящ, а надзиратель всеведущ.

Каким образом можно определить, когда именно невидимый глаз, то есть глаз, который, как выразился Жак-Ален Миллер, «смотрит на меня даже тогда, когда он меня не видит»³⁵, на самом деле не видит меня? Сначала я отважусь, совершенно наудачу, на не очень серьезное и все еще простительное нарушение; если это нарушение останется незамеченным, я совершу другое, на сей раз более серьезное

34. *Idem.* Panopticon: Letters. P. 40 (выделено автором. — М.Б.).

35. Miller J.-A. Le Despotisme de l'utile: La machine panoptique de Jeremy Bentham // Ornica? Bulletin périodique du champ freudien. May 1975. № 3. P. 5.

нарушение. Я, конечно же, могу воспользоваться этим открытием. Однако, согласно Бентаму, такие попытки можно пресечь заранее, раз и навсегда — и всего одним трюком.

Я выберу одного из самых упрямых заключенных. Я буду неотступно следить за ним. Я буду следить до тех пор, пока не замечу проступок. Я запишу его. Я подожду другого: я запишу и его. Я буду бездействовать весь день: в этот день он будет делать все, что ему заблагорассудится, лишь бы он не решился на что-то слишком серьезное, чтобы это стерпеть. На следующий день я предъявлю ему список: *Ты думал, что остался незамеченным: ты злоупотребил моей снисходительностью. Видишь, как ты ошибался. В другой раз ты можешь делать это на протяжении двух дней, десяти дней: чем дольше, тем тяжелее будут последствия для тебя. Уясните себе, все вы, что в этом доме проступок никогда не останется незамеченным*³⁶.

Разумеется, надзирателю достаточно поступить так один раз, чтобы стать всевидящим в глазах заключенных: с этой минуты каждый заключенный будет думать, что он сам постоянно находится под пристальным взглядом надзирателя и что ни один его шаг не выпадет из-под недремлющего, бдительного взгляда надзирателя. Даже если надзиратель больше не составляет перечень дальнейших нарушений, даже если он никогда больше не вмешается, даже если он перестанет наблюдать и проверять, это начнут делать сами заключенные: каждый будет следить за собой, каждый будет держать в уме список своих нарушений и просчитывать серьезность наказания, которое рано или поздно ему придется понести. В результате с этого момента в глазах заключенного, совершившего нарушение и незамедлительно не наказанного за это, отсутствие вмешательства надзирателя, — которое теперь может с легкостью оказаться следствием невнимательности последнего, — будет истолковываться как отсрочка неизбежного наказания. Несмотря на то что надзиратель может полностью отказаться от наблюдения, с этой минуты каждый заключенный будет считать, что надзиратель мучит его, тогда как на самом деле каждый заключенный мучит себя сам.

36. Bentham J. Panopticon: Postscript; Part I.P. 81–82 n. (выделено автором. — М.Б.).

Итак, дисциплина усвоена, а сам надзиратель стал ненужным. Таким образом в умах заключенных возникнут ощущение невидимой вездесущности надзирателя и идея постоянного надзора. Так, при помощи иллюзии всевидящего пристального взгляда темного пятна в фонаре был сконструирован Бог, и всего лишь одним действием последний скептик был обращен. Теперь больше не может быть никаких сомнений: в глазах субъектов вселенной паноптикона пристальный взгляд темного пятна — это всевидящий пристальный взгляд Бога, пятно в фонаре — это сам Господь. Как и всякий, достойный того, чтобы называться Богом, надзиратель с этой минуты может отвернуться от вселенной паноптикона и мирно посвятить себя бухгалтерии; с этого момента вселенная паноптикона прекрасно сможет обойтись и без него.

Пристальный взгляд надзирателя также является всевидящим в ином смысле, то есть в том смысле, что надзиратель способен видеть больше, чем видно на самом деле. Поскольку не все камеры одинаково видны со всех этажей центральной башни надзирателя, некоторые заключенные иногда бывают невидимыми для глаз надзирателя; однако нет такой камеры или, по крайней мере, определенной ее части, которая не была бы видима со всех этажей башни надзирателя. Чтобы гарантировать, что камеры, которые не полностью видны с любого этажа, подвергаются тому же наблюдению, что и камеры, которые совершенно прозрачны с этой точки зрения, на полу этих камер должна быть прочерчена линия, отделяющая в глазах надзирателя видимость заключенного от его невидимости: заключенный видим, если он не пересекает черту, тогда как после того, как он ее пересекает, он становится невидимым. Невидимость — это не менее надежный, чем видимость, показатель точного местоположения заключенного в определенный момент времени. Таким образом, если в определенный момент заключенного нельзя увидеть, в «компактном микрокосме» паноптикона находиться он может только за чертой. В паноптиконе невозможно избежать пристального взгляда надзирателя, даже если заключенные скрываются от его глаз и делаются невидимыми — как только заключенный пересек черту и стал невидимым, «сама его невидимость является знаком того, чтобы обратить на него внимание»³⁷, — пишет Бентам. В полностью прозрачной, наполненной светом вселенной паноптикона невидимость

37. Ibid. P. 71.

сама становится позитивным качеством, *видимым знаком* заключенного. Таким образом, надзиратель на самом деле всевидящ: его пристальный взгляд простирается за пределы видимого в невидимое.

Согласно Бентаму, буквально все может быть пятном, приковывающим пристальные взгляды заключенных. Поскольку фонарь прозрачен, заключенные, разумеется, могут из своих камер видеть, находится ли в нем надзиратель; иными словами, если бы надзиратель отсутствовал, заключенные могли бы видеть, что за ними не следят. Поэтому надзиратель маскирует свое отсутствие (он тайком покидает фонарь: открывает люк в полу и спускается внутрь центральной башни), помещая в фонарь «любой непрозрачный предмет»³⁸. Различие между неодушевленным предметом, всегда находящимся в состоянии покоя, и телом надзирателя, время от времени перемещающимся, согласно Бентаму, нельзя было бы увидеть, потому что отверстия в фонаре слишком малы. С этого момента тем, что образует пятно, приковывающее пристальные взгляды заключенных, тем, что служит основой всевидящего пристального взгляда, является не что иное, как непрозрачный предмет. Независимо от того, чем образовано пятно в фонаре — телом надзирателя или непрозрачным предметом, — заключенные всегда будут считать, что они находятся под постоянным наблюдением.

Заключенным паноптикона «внушает страх безмолвие незримого ока»: вовсе не обязательно, чтобы тем, что пристально смотрит на них, была пара глаз или сам надзиратель, главное, чтобы оно образовывало очень темное пятно в прозрачном фонаре. Следовательно, тем, что организуется в паноптиконе, является сам всевидящий пристальный взор. Тогда можно сказать, что фонарь — это устройство для *воспроизводства всевидящего взгляда*. Из какой бы камеры по периметру паноптикона заключенный ни смотрел на фонарь, очень темное пятно всегда будет пристально смотреть на него, око надзирателя всегда будет направлено прямо на него. Словами Бентама, «в Паноптиконе надзиратель никогда не поворачивается спиной»³⁹.

38. Ibid. P. 82.

39. Ibid. P. 96.

Бог как несуществующая сущность

Итак, Бог со всеми его атрибутами создается, как в описанной Хичкоком знаменитой сцене, в которой труп «создается» во время сборки автомобиля:

Я мечтал снять длинный трэвеллинг с диалогом Кэрри Гранта с одним из заводских рабочих <на автомобильном заводе Форда>, когда они идут вдоль конвейера. Они могут беседовать, скажем, о мастерах. Рядом с ними идет сборка автомобилей, деталь за деталью. Наконец, «форд», рожденный на глазах наших героев и наших зрителей, готов сойти с линии. Они смотрят на него и не могут сдержать восхищенного удивления, открывают дверцу — и оттуда вываливается труп⁴⁰.

Мы были бы не менее удивлены, если бы нам удалось проследить за сооружением бентамовского паноптикона, постепенно воздвигавшегося на наших глазах: даже если бы мы наблюдали за строительством паноптикона, в это время создавалось бы не только само здание, но и Бог внутри него. Быть может, паноптикон действительно — всего лишь «простая архитектурная идея»⁴¹, как говорит Бентам, но если бы мы попытались претворить эту идею в жизнь, точно следуя плану Бентама, мы создали бы, если можно так выразиться, *одновременно с возведением самого здания*, строящегося нами из кирпича, железа, стекла и т. д., *также и Бога*. Мы можем только сожалеть, что и хичкоковская сцена, и паноптикон Бентама остались идеями, которые их авторы так никогда и не реализовали.

С точки зрения Бентама, паноптикон — это живое существо, «искусственное тело», жизнь в котором поддерживают взгляд и голос надзирателя: «надзирательская — это сердце, которое дает жизнь этому искусственному телу и приводит его в движение»⁴². Свойства, проявляющиеся в функционировании этого искусственного тела, — «определенность, быстрота, единообразие»; словом, искусственное тело функционирует с «регулярностью часового механизма»: «действие

40. Трюффо Ф. Кинематограф по Хичкоку. М.: Киноведческие записки, 1996. С. 150.

41. Bentham J. Panopticon: Preface. P. 39.

42. Idem. Panopticon: Postscript; Part I. P. 83–84.

редко следует за мыслью быстрее, чем исполнение отданного здесь приказа»⁴³.

Более того, кажется, что надзиратель теснее связан с этим искусственным телом, чем со своим собственным. Хотя, с одной стороны, его собственное тело, если можно так выразиться, парализовано (надзиратель не двигается, а наблюдение ведется из одной-единственной точки, так что, быть может, он заточен в своем фонаре еще сильнее, чем заключенные в своих камерах), с другой стороны, посредством взгляда, созданного фонарем, и голоса, созданного разговорными трубками, которые служат артериями и нервами искусственного тела, он полностью управляет искусственным телом. Ни одна деталь этого тела не может ускользнуть от пристального взгляда надзирателя: «каждое движение конечностей [заключенных] и каждого мускула [их] лица»⁴⁴ открыто его взгляду. В отношении искусственного тела паноптикона он воплощает фантазию Мальбранша об Адаме как всеведущем анатоме, который знает обо всем, что происходит в его теле, вплоть до малейших деталей. Поэтому надзиратель более полно населяет и оживляет искусственное тело, паноптикон, нежели свое собственное тело.

Без надзирателя, который придает этому искусственному телу движение и дает ему жизнь своим наблюдением, оно бы, безусловно, погибло: без Бога, который поддерживает его своим всевидящим взглядом и своим «незримым голосом», это тело, безусловно, разрушилось бы. Однако, несмотря на это, мир паноптикона — это не мир Беркли, а Бог паноптикона — это не Бог Беркли. По Беркли, мир без Бога, который постоянно его воображает, прекратил бы свое существование: мир — это в буквальном смысле вымысел в воображении Бога, если бы Бог перестал воображать его, он перестал бы существовать. Точно так же можно было бы сказать, что мир паноптикона существует, пока он поддерживается взглядом Бога. Но между этими двумя вселенными есть важное различие: по Бентаму, мир — это не вымысел в воображении Бога; скорее сам Бог — это вымысел в воображении субъектов этого мира. Действительно, Бог — это тот, кто поддерживает вселенную своим пристальным взглядом, но именно субъекты этого мира воображают, что пристальный взгляд существует на самом деле. Таким образом, мир паноптикона распался бы в тот момент, когда заключенные перестали бы вообра-

43. Ibid. P. 85.

44. Idem. Panopticon: Letters. P. 47.

жать Бога, или, точнее, когда они перестали бы воображать надзирателя как Бога, — то есть в тот момент, когда он утратил бы свои божественные атрибуты.

Таким образом, хотя Бог паноптикона не существует, он тем не менее имеет реальные последствия; хотя он — это просто вымысел в воображении заключенных, то есть воображаемая несуществующая сущность, без него мир паноптикона просто рассыплется. Можно даже сказать, что реальные последствия Бога паноптикона — это следствие его онтологического статуса как вымысла.

И вымышленные сущности, которых не существует, и воображаемые несуществующие сущности, которые совершенно нереальны, могут приводить к абсолютно реальным последствиям⁴⁵.

В качестве примера реальных последствий вымышленной сущности возьмем понятие законного права, которое, с точки зрения Бентама, представляет собой «этическую вымышленную сущность». Даже если какое-то конкретное мое законное право не существует как сущность, даже если это всего лишь так называемый фиктивный объект, то есть объект, существование которого придумывается в воображении, другие не могут действовать так, как если бы его не существовало; хотя в буквальном смысле я не могу сказать, что я на самом деле им обладаю, другие тем не менее не могут действовать так, как если бы я не обладал им. Ибо, не поступая в соответствии со своими обязанностями, учитывающими мое право, они столкнутся с угрозой наказания⁴⁶, то есть переживания страдания или утраты удовольствия, а страдание и удовольствие для Бентама представляют собой реальные сущности *par excellence*, то есть «воспринимаемые реальные сущности». Таким образом, хотя право как сущность

45. Вымышленные, или фиктивные, сущности не существуют, но не точно так же, как не существуют несуществующие сущности, поскольку вымышленные сущности обладают «своеобразной вербальной реальностью» (*Idem*. Chrestomathia//The Works of Jeremy Bentham. Vol. 8. P. 126 n.), которой несуществующие сущности не обладают, и потому, хотя их и относят к вымышленным, все же называют сущностями. О бентамовском различии между вымышленными сущностями и воображаемыми несуществующими сущностями см.: Harrison R. Op. cit. P. 77–105; Bouvresse J. La theorie des fictions chez Bentham//Regards sur Bentham et l'utilitarisme: Actes du colloque organisé à Geneve les 23 et 24 novembre 1990 sous les auspices des Facultés de droit et des lettres/K. Mulligan, R. Roth (eds). Geneva: Librairie Droz, 1993. P. 87–98; Žižek S. Tarrying with the Negative. Durham: Duke University Press, 1993. P. 83–89.

46. Bentham J. A Fragment on Government/J.H. Burns, H.L.A. Hart (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 108 n.; см. также: Бентам И. Указ. соч. С. 278–279, прим. 1.

на самом деле не существует, хотя его существование — всего лишь выдумка воображения, оно тем не менее имеет реальные последствия.

В качестве примера реальных последствий воображаемой несуществующей сущности мы можем рассмотреть бентамовскую боязнь призраков. В детально разработанной онтологии Бентама призраки — как и домовые, вампиры, дьявол и т. д. — относятся к «сказочным вредоносным существам»⁴⁷ или, точнее, к воображаемым несуществующим сущностям. Онтологически они располагаются на том же уровне, что и Бог, которого Бентам считает «несуществующей сущностью», а не «сверхчеловеческой, логически выводимой сущностью»⁴⁸. И хотя Бентам отнес призраков к воображаемым несуществующим сущностям и не верил в их существование, он, по его собственным словам, всю жизнь патологически их боялся⁴⁹.

Отношение Бентама к призракам парадоксально:

Нет такого человека, который сильнее был бы убежден в несуществовании этих источников страха, чем я; тем не менее, как только я ложусь спать в темной комнате, если в ней нет другого человека, а я оставляю глаза открытыми, начинают выползать эти орудия страха⁵⁰.

Строго говоря, наверное, никто из тех, кто боится призраков, не верит, что они на самом деле существуют; не только

47. Цит. по: *Ogden C. K. Bentham's Theory of Fictions*. L.: Kegan Paul, 1932. P. xiv.

48. *Bentham J. A Fragment on Ontology*. P. 195–196.

49. «Эта тема призраков мучила меня всю жизнь. Даже теперь, когда прошло уже шестьдесят или семьдесят лет с тех пор, как в отрочестве моя бабушка поведала мне о них, хотя мой ум совершенно свободен, этого нельзя сказать о моем воображении». (Цит. по: *Ogden C. K. Op. cit.* P. xi). О том, насколько сильным был страх призраков у Бентама, свидетельствует то, что, с его точки зрения, это был один из основных доводов против длительного одиночного заключения: «Когда внешние чувства удерживаются от деятельности, воображение более активно и порождает огромное множество идеальных существ. В состоянии одиночества детские суеверия, призраки и привидения вновь возникают в воображении. Одно только это служит достаточной причиной для того, чтобы не продлевать эту разновидность наказания, которая может победить силы рассудка и вызвать неисцелимую меланхолию... Его существенное продление приведет лишь к возникновению безумия, отчаяния или более заурядной тупой апатии» (*Bentham J. Principles of Penal Law // The Works of Jeremy Bentham*. Vol. 1. P. 426; цит. по: *Semple J. Op. cit.* P. 132). Паноптикон разрешает эту задачу путем создания парадоксального «голящегося одиночества»: каждый заключенный находится буквально «один в толпе».

50. Цит. по: *Ogden C. K. Op. cit.* P. xvi.

Бентам, но и все мы, вероятнее всего, считаем, что призраки — это просто совершенно надуманные плоды воображения; тем не менее мы по-прежнему их боимся.

Но парадокс этот только кажущийся: мы боимся призраков не *несмотря на* то, что их не существует, а именно *из-за* того, что их не существует. Чего же именно мы боимся, когда говорим, что боимся призраков? Как раз вторжения чего-то радикально иного, чего-то неизвестного и чужого в наш мир. И именно этого страха мы могли бы избежать, если бы убедились в том, что призраки *на самом деле существуют*. Или, говоря словами Поля Вена, которому призраки внушали «почти невротический ужас»: «Больше всего меня подбодрило бы, если бы я узнал, что призраки существуют „реально“»⁵¹. В этом случае мы могли бы относиться к призракам точно так же, как мы относимся ко всем остальным реальным сущностям; они были бы просто феноменами, сопоставимыми с остальными. Даже если бы мы не избавились от нашего страха окончательно, даже если бы по-прежнему боялись призраков, мы боялись бы их *по-иному*: мы боялись бы призраков так же, как мы боимся всех реальных сущностей, которые мы попросту называем вредоносными, вроде злых собак.

Мы можем удостовериться в этом, если попытаемся избавиться от боязни призраков, опровергнув их существование, то есть если мы попытаемся убедить себя, что призраков на самом деле не существует и, следовательно, наш страх необоснован. Безусловно, страх вовсе не ослабнет, а наоборот, только усилится. Мы могли бы даже сказать, что самым невыносимым и ужасным было бы успешное опровержение существования призраков. Личный опыт Бентама свидетельствует о том, что опровержение существования призраков не может избавить нас от страха перед ними, что такая попытка лишь усиливает этот страх и что успокоить нас могла бы уверенность в том, что призраки действительно существуют. Хотя каждую ночь перед сном, пытаясь избавиться от своих страхов, он повторял доводы, опровергающие существование призраков⁵²,

51. Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? М.: Искусство, 2003. С. 114.

52. «Чтобы избавиться от беспокойства, я чувствую, что мне необходимо заменить те более или менее приятные идеи, которыми в противном случае был бы занят мой ум, теми размышлениями, которые необходимы, чтобы не забывать доводы, которые так часто используются для подтверждения не-существования этих творений воображения [призраков]». Цит. по: Ogden C. K. Op. cit. P. xvi.

как только он оказывался один в темноте, им неизбежно овладевал страх. Им овладевал страх не вопреки доводам, но *из-за* них. Если опровержение существования призраков не могло успокоить его, значит, дело было, скорее всего, не в существовании призраков, которых он боялся; должно быть, он боялся чего-то еще. Если Бентам чего-то и боялся, то только *несуществования* призраков, то есть того, что призраки представляют собой воображаемые несуществующие сущности. Таким образом, Бентам вполне мог бы мирно отойти ко сну, если бы он был уверен, что призраки существуют на самом деле, а не являются просто вымыслом. Иными словами, только будучи уверенным, что призраки на самом деле существуют, он мог бы начать вести себя так, будто их не было.

Боязнь призраков — быть может, наиболее чистый пример того, что воображаемая несуществующая сущность обязана своими реальными последствиями своему онтологическому статусу фикции; если бы призраки не были вымыслом, если бы они были реально существующими сущностями, они либо не имели бы никаких последствий вообще, либо имели бы иные последствия.

Так же, как и призраки, Бог паноптикона тоже имеет последствия только как вымысел. Если бы «сокрытый» Бог раскрыл себя в паноптиконе, если бы несомненная вездесущность Бога в глазах заключенных была заменена реальным присутствием надзирателя, реальной сущностью, сопоставимой с ними (то есть совершенно бессильным надзирателем), тогда он не имел бы последствий вообще либо просто имел бы иные последствия. Если бы реальное присутствие надзирателя по-прежнему влияло на заключенных, это присутствие не было бы столь же действенным в удержании от преступлений, какой была бы «невидимая вездесущность». Надзиратель может поддерживать спокойное функционирование тюрьмы паноптикона лишь постольку, поскольку он кажется Богом, то есть лишь постольку, поскольку он в глазах заключенных наделен божественными атрибутами (несомненная вездесущность, всевидящий взор и т. д.) — словом, лишь постольку, поскольку он — вымысел в воображении заключенных. Таким образом, благодаря своему *несуществованию* Бог поддерживает вселенную паноптикона.

Лакан, который часто обращается к бентамовской теории фикции, схожим образом объясняет любовь к Богу. Подобно тому, как мы боимся призраков и Бога паноптикона, —

постольку, поскольку они представляют собой воображаемые несуществующие сущности, то есть потому, что они не существуют, — мы, согласно Лакану, любим Бога именно потому, что он не существует. Мы любим в объекте именно то, чего ему не хватает. Но что мы можем любить в Боге, который очевидным образом не испытывает нехватки ни в чем? Иными словами, если признаком любви считается, когда мы отдаем то, чего у нас нет, может ли Бог, который не испытывает нехватки ни в чем, вообще что-то дать? Поскольку у Бога есть все, у него очевидным образом нет ничего, что он мог бы дать. Единственное, чего может не хватать Богу, который, как предполагается, олицетворяет абсолютную полноту бытия, — это, по выражению Лакана, как раз основной признак бытия: существование. Ошибочно думать, что мы любим Бога потому, что он олицетворяет абсолютную полноту бытия; единственная причина, по которой мы любим его, заключается в том, что его, быть может, не существует вовсе⁵³. Если мы любим Бога, мы любим его потому, что он — несуществующая сущность.

Надзиратель, конечно, знает, что *qua* Бог он на самом деле не существует; *qua* Бог, надзиратель существует только благодаря уловке, только как фикция. Поскольку он обязан своими божественными атрибутами своей невидимости, он должен всегда скрываться от глаз заключенных; он живет в постоянном страхе, что заключенные выяснят, что его на самом деле не существует. Если бы идея Бентама была воплощена в жизнь, если бы паноптическая тюрьма действительно была построена и если бы он стал ее надзирателем-управляющим (Бентам приберег бы место темного пятна, место Бога в паноптиконе для себя), то он, как это позднее произошло с Луи Альтюссером, скорее всего, сам пал бы жертвой фантазии не-существования. Как говорит Альтюссер в своей автобиографии, *L'avenir dure longtemps*, он полагал, что его не существовало, или, точнее, полагал, что он существовал лишь как вымысел в воображении других; в терминах Бентама, он представлял себя воображаемой несуществующей сущностью. Альтюссер существовал точно так же, как и надзиратель Бентама, который существует *qua* Бог только благодаря уловке, присваивая божественные атрибуты: «Я мог существовать только благодаря уловке, присваи-

53. Lacan J. Le Seminaire, livre IV: La relation d'objet. P.: Editions du Seuil, 1994. Ch. 8.

вая черты, которые не были моими собственными»⁵⁴, — говорил Альтюссер о себе. Он публиковал свои книги, чтобы скрыть тот факт, что его не существовало, и всякий раз, когда они выходили в свет, он боялся, что другие раскроют его хитрость. Более того, по его собственным словам, он хотел любой ценой уничтожить себя, *потому что его никогда не существовало*⁵⁵. Поскольку он существовал только как вымысел воображения других, он мог уничтожить себя, лишь уничтожая тех, чьим вымыслом, как он полагал, он был; он начал с того человека, который наиболее твердо верил в его существование.

Жак-Ален Миллер пишет, что паноптикон — это не что иное, как «осуществленная классификация» или классификация, «воплощенная в камне», — как и, с другой стороны, бесконечные классификации, логические деревья, деления, таблицы и т. д., которые Бентам неутомимо разрабатывал, представляют собой лишь «тюрьму языка» или «тюрьму слов»⁵⁶. Бентам взялся за объяснение фикций, чтобы не оставить места фикциям в «состоянии очень *темного пятна*»⁵⁷, или, точнее, чтобы в сводных таблицах сущностей поле фикций не явилось «взору разума в отталкивающем образе совершенно темного пятна»⁵⁸. И все же, создавая Бога в паноптиконе, он сам таким образом создавал фикцию в форме очень темного пятна.

Библиография

- Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998.
- Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? М.: Искусство, 2003.
- Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989.
- Николай Кузанский. О видении бога // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1980. С. 33–94.
- Трюффо Ф. Кинематограф по Хичкоку. М.: Киноведческие записки, 1996.
- Althusser L. The Future Lasts a Long Time. L.: Chatto and Windus, 1993.
- Bentham J. A Fragment on Government / J. H. Burns, H. L. A. Hart (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Bentham J. A Fragment on Ontology // The Works of Jeremy Bentham / J. Bowring (ed.). Vol. 8. Edinburgh, 1843. P. 193–212.
- Bentham J. Auto-Icon; or, Farther Uses of the Dead to the Living. A Fragment. From the Mss. of Jeremy Bentham. L., 1832 (not published).

54. Althusser L. The Future Lasts a Long Time. L.: Chatto and Windus, 1993. P. 93.

55. Ibid. P. 277.

56. Miller J.-A. Op. cit. P. 19–20.

57. Bentham J. Chrestomathia. P. 127 n. (выделено автором. — М. Б.).

58. Ibid. P. 119–120.

- Bentham J. *Chrestomathia*//The Works of Jeremy Bentham/J. Bowring (ed.). Vol. 8. Edinburgh, 1843. P. 1–192.
- Bentham J. *Panopticon Versus New South Wales*//The Works of Jeremy Bentham/J. Bowring (ed.). Vol. 4. Edinburgh, 1843. P. 173–248.
- Bentham J. *Panopticon: Letters*//The Works of Jeremy Bentham/J. Bowring (ed.). Vol. 4. Edinburgh, 1843.
- Bentham J. *Panopticon: Postscript; Part I*//The Works of Jeremy Bentham/J. Bowring (ed.). Vol. 4. Edinburgh, 1843.
- Bentham J. *Panopticon: Postscript; Part II*//The Works of Jeremy Bentham/J. Bowring (ed.). Vol. 4. Edinburgh, 1843.
- Bentham J. *Panopticon: Preface*//The Works of Jeremy Bentham/J. Bowring (ed.). Vol. 4. Edinburgh, 1843.
- Bentham J. *Plan for Parliamentary Reform*//The Works of Jeremy Bentham/J. Bowring (ed.). Vol. 3. Edinburgh, 1843. P. 433–557.
- Bentham J. *Principles of Penal Law*//The Works of Jeremy Bentham/J. Bowring (ed.). Vol. 1. Edinburgh, 1843. P. 365–580.
- Bouvresse J. *La theorie des fictions chez Bentham*//Regards sur Bentham et l'utilitarisme: Actes du colloque organisé à Geneve les 23 et 24 novembre 1990 sous les auspices des Facultés de droit et des lettres/K. Mulligan, R. Roth (eds). Geneva: Librairie Droz, 1993. P. 87–98.
- Chion M. *La voix au cinema*. P.: Cahiers du cinema, 1982.
- Dinwiddy J. *Bentham*. Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Harrison R. *Bentham*. L.: Routledge; Kegan Paul, 1985.
- Lacan J. *Le Seminaire, livre IV: La relation d'objet*. P.: Editions du Seuil, 1994.
- Leibniz G. W. *Theodicy*. La Salle, IL: Open Court, 1988.
- Marmoy C. F. A. *The "Auto-Icon" of Jeremy Bentham at University College, London*//Medical History. 1958. Vol. 2. № 2. P. 77–86.
- Mill J. S. *Bentham*//Mill J. S., Bentham J. *Utilitarianism and Other Essays*/A. Ryan (ed.). Harmondsworth: Penguin, 1987. P. 132–176.
- Miller J.-A. *Le Despotisme de l'utile: La machine panoptique de Jeremy Bentham*//Ornicar? Bulletin périodique du champ freudien. May 1975. № 3. P. 3–36.
- Nicholas of Cusa. *The Vision of God*//The Portable Medieval Reader/B. Ross, M. M. McLaughlin (eds). Harmondsworth: Penguin Classics, 1978. P. 682–686.
- Ogden C. K. *Bentham's Theory of Fictions*. L.: Kegan Paul, 1932.
- Semple J. *Bentham's Prison: A Study of the Panopticon Penitentiary*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Žižek S. *Tarrying with the Negative*. Durham: Duke University Press, 1993.

An Utterly Dark Spot

Miran Bozovic. University of Ljubljana (UL), Slovenia, miran.bozovic@ff.uni-lj.si

Relating the panopticon writings to Bentham's utilitarianism, the author shows that the panopticon's internal structure is that of a spectacle, or a stage effect, aimed at achieving the greatest effect of the punishment on others, i.e. society at large, with the least inflicted pain on the prisoners themselves. This end involves the "fiction of punishment," an appearance that functions successfully precisely because reality itself is already structured like a fiction. There is thus a critical distinction to be made between the role of fiction in the panopticon (to deter the prisoners from transgressing) and the deterring role of fiction for the innocents outside the prison. Focusing on the role of the inspector in the panopticon's central tower rather than on the prisoners in the cells, the author shows that it is the very absence of the inspector that sustains his (fictional) omnipresence for

the prisoners; he thereby effectively takes up the place of God, who exists only insofar as we (the prisoners) imagine Him (the inspector) looking at us. God (or the inspector) is thus “an imaginary non-entity” without which, however, the universe (the panopticon) would collapse. In turn, the fear of—or, by extension, the belief in—God paradoxically rests upon the very fact of his fictionality or non-existence.

Keywords: panopticon; Jeremy Bentham; theory of fictions; utilitarianism; auto-icon.

References

- Althusser L. *The Future Lasts a Long Time*, London, Chatto and Windus, 1993.
- Bentham J. *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation], Moscow, ROSSPEHN, 1998.
- Bentham J. *A Fragment on Government* (eds J.H. Burns, H.L.A. Hart), Cambridge, Cambridge University Press, 1988.
- Bentham J. A Fragment on Ontology. *The Works of Jeremy Bentham* (ed. J. Bowring), vol. 8, Edinburgh, 1843, pp. 193–212.
- Bentham J. Auto-Icon; or, Farther Uses of the Dead to the Living. A Fragment. From the Mss. of Jeremy Bentham. London, 1832 (not published).
- Bentham J. Chrestomathia. *The Works of Jeremy Bentham* (ed. J. Bowring), vol. 8, Edinburgh, 1843, pp. 1–192.
- Bentham J. Panopticon Versus New South Wales. *The Works of Jeremy Bentham* (ed. J. Bowring), vol. 4, Edinburgh, 1843, pp. 173–248.
- Bentham J. Panopticon: Letters. *The Works of Jeremy Bentham* (ed. J. Bowring), vol. 4, Edinburgh, 1843.
- Bentham J. Panopticon: Postscript; Part I. *The Works of Jeremy Bentham* (ed. J. Bowring), vol. 4, Edinburgh, 1843.
- Bentham J. Panopticon: Postscript; Part II. *The Works of Jeremy Bentham* (ed. J. Bowring), vol. 4, Edinburgh, 1843.
- Bentham J. Panopticon: Preface. *The Works of Jeremy Bentham* (ed. J. Bowring), vol. 4, Edinburgh, 1843.
- Bentham J. Plan for Parliamentary Reform. *The Works of Jeremy Bentham* (ed. J. Bowring), vol. 3, Edinburgh, 1843, pp. 433–557.
- Bentham J. Principles of Penal Law. *The Works of Jeremy Bentham* (ed. J. Bowring), vol. 1, Edinburgh, 1843, pp. 365–580.
- Bouvresse J. La theorie des fictions chez Bentham. *Regards sur Bentham et l'utilitarisme: Actes du colloque organisé à Geneve les 23 et 24 novembre 1990 sous les auspices des Facultés de droit et des lettres* (eds K. Mulligan, R. Roth), Geneva, Librairie Droz, 1993, pp. 87–98.
- Chion M. *La voix au cinema*, Paris, Cahiers du cinema, 1982.
- Dinwiddy J. *Bentham*, Oxford, Oxford University Press, 1989.
- Harrison R. *Bentham*, London, Routledge, Kegan Paul, 1985.
- Lacan J. *Le Séminaire, livre IV: La relation d'objet*, Paris, Editions du Seuil, 1994.
- Leibniz G.W. *Sochineniya: V 4 t.* [Works: In 4 vols], vol. 4, Moscow, Mysl', 1989.
- Leibniz G.W. *Theodicy*, La Salle, IL, Open Court, 1988.
- Marmoy C.F.A. The “Auto-Icon” of Jeremy Bentham at University College, London. *Medical History*, 1958, vol. 2, no. 2, pp. 77–86.
- Mill J.S. Bentham. Mill J.S., Bentham J. *Utilitarianism and Other Essays* (ed. A. Ryan), Harmondsworth, Penguin, 1987, pp. 132–176.
- Miller J.-A. Le Despotisme de l'utile: La machine panoptique de Jeremy Bentham. *Ornicar? Bulletin périodique du champ freudien*, may 1975, no. 3, pp. 3–36.
- Nicholas of Cusa. O videnii boga [De Visione Dei]. *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vols], vol. 2, Moscow, Mysl', 1980, pp. 33–94.
- Nicholas of Cusa. The Vision of God. *The Portable Medieval Reader* (eds B. Ross, M.M. McLaughlin), Harmondsworth, Penguin Classics, 1978, pp. 682–686.

- Ogden C.K. *Bentham's Theory of Fictions*, London, Kegan Paul, 1932.
- Semple J. *Bentham's Prison: A Study of the Panopticon Penitentiary*, Oxford, Clarendon Press, 1993.
- Truffaut F. *Kinematograf po Khichkoku* [Hitchcock], Moscow, Kinovedcheskie zapiski, 1996.
- Veyne P. *Greki i mifologiya: vera ili neverie?* [Did the Greeks Believe in Their Myths?], Moscow, Iskusstvo, 2003.
- Žižek S. *Tarrying with the Negative*, Durham, Duke University Press, 1993.